

Мария Валерьевна Мукий

ПАУЧОК ГРИГОРИЙ И ТАЙНЫЙ КЛУБ ХВОСТОВ И ЛАП

Мария Мукий

Паучок Григорий и тайный клуб хвостов и лап

<https://litres.ru/74075868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для детей от 6 лет. Для семейного чтения.

Знакомьтесь: паучок Григорий живёт за батареей и считает людей Гигантами. Но дети Даша и Дима уже давно считают его своим тайным питомцем. А ещё в квартире обитают попугай-инвалид Рокки, мечтающий увидеть бесконечность, белая кошка Лиля с королевскими замашками и мудрый крыс Раен, способный изречь истину, не отрываясь от сушки. Григорий ещё не знает, что он — не просто паук, а талантливый художник, гениальный архитектор и центр Тайного Клуба Хвостов и Лап. Когда в дом приходит беда (вредная соседка с собачкой или генеральная уборка), даже самый маленький герой способен сплести чудо. Тёплая история о дружбе, которая не зависит от количества лап и хвостов, и о том, что искусство может помирить кого угодно — даже кошку с пауком.

Мария Мукий Паучок Григорий и тайный клуб хвостов и лап

ПРОЛОГ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ ГРИГОРИЯ

Меня зовут Григорий. Я паук-тенетник, и я в глубоком подполье.

Нет, я не шпион. Я просто живу за батареей в большой комнате, и каждый мой выход на охоту — это операция «Невидимка». Потому что в этой квартире обитают Они.

Гиганты.

Их четверо: двое Огромных и двое Мелких. Мелкие особенно опасны. Они носятся, как ураганы, издают звуки, похожие на сирены, и трогают всё своими странными пятипальными щупальцами. Огромные называют их «Даша» и «Ди-ма». Для меня это просто Источники Шума.

Моя миссия проста: выжить, сплести самую красивую паутину в мире и не попасться на глаза Гигантам. Пока что миссия выполняется успешно.

ГЛАВА 1. В КОТОРОЙ ГРИГОРИЙ НЕ ПОДОЗРЕВАЕТ, ЧТО ОН — ЗВЕЗДА

Григорий проснулся, когда первый луч солнца упал на его

паутину, и та засверкала, словно нитка жемчуга. Он с гордостью осмотрел свою работу: за ночь ему удалось создать идеальную воронку с сигнальными нитями, расходящимися к подоконнику и книжному шкафу. Эстетично и функционально.

В этот момент комната вздрогнула. Это означало, что Мелкие Гиганты проснулись.

— Дима, отдай мой носок! — раздался голос девчонки-Гиганта, той, что повыше, со светлыми волосами, собранными в хвост, и карими глазами.

— Он мне нужен для опыта! — завопил мальчишка-Гигант, голубоглазый и вихрастый, ростом почти с сестру, хоть и младше. — Я хочу проверить, насколько он растянется, если его привязать к машинке!

Началась беготня. Григорий привычно вжался в щель между стеной и батареей. Главное правило выживания: когда Гиганты активны — ты невидим.

— Даша, Дима, тише! — раздался голос Огромного Гиганта с кухни. — Рокки упадёт с жёрдочки от вашего шума!

Рокки. Это имя Григорий слышал часто. Рокки был птицей. Зелёной, волнистой, очень громкой. Но Григорий заметил странность: этот Рокки летал как-то криво и всегда садился на жёрдочку с явным трудом. Однажды Григорий подобрался поближе к клетке, когда птица спала, и ахнул: у Рокки была всего одна лапка. Вторую заменял короткий обрубок.

«Боевая птица, — с уважением подумал тогда Григорий.
— Потерял конечность в схватке. Собрат по несчастью».

Рядом с клеткой Рокки, как всегда, сидела Лиля. Кошка. Белая, пушистая, с глазами цвета тёмного янтаря. Лиля была единственным существом в доме, которое иногда поглядыва-

вало прямо на убежище Григория. Она не нападала. Просто смотрела. И в её жёлтых глазах читалась скука хищника, который сыт и предпочитает консервы.

Григорий не доверял ей. Кошка есть кошка.

И наконец, был ещё один сосед — Раен. Крыс. Он жил в клетке, просторной, многоэтажной, с колесом и домиком. Раен был ленив, толстоват и целыми днями либо спал, либо грыз сушку. Григорий не считал его угрозой. Крыс за решёткой — не соперник.

— Дима, смотри! — вдруг сказала Даша, и её голос стал таинственным шёпотом.

Григорий насторожился. Шёпот Гигантов — часто предвестник опасных экспедиций в его сторону.

— Вижу, — таким же заговорщицким тоном ответил Дима. — Наш Григорий опять новую сеть сделал. Красивая!

Григорий замер.

Григорий?

Они знают его имя? Откуда?!

— Он гений, — с гордостью продолжила Даша. — Папа говорит, пауки — примитивные, а по-моему, он умнее Рокки.

— Рокки — умница, — сказал Дима. — Но Григорий у нас тайный агент. Как Человек-паук. Только Паучок-человек.

Дети тихо рассмеялись.

Григорий не верил своим восьми фасеточным глазам. Они

не боялись его. Они... восхищались? Он, который столько времени считал себя скрытым беглецом, объектом охоты, вдруг оказался в центре какого-то культа.

— Жалко, что мы не можем его погладить, — вздохнул Дима. — Он, наверное, пушистый.

— Нельзя, — строго сказала Даша. — Мы договорились: он — неприкосновенный питомец. Свободный. Как ветер. Мы за ним только наблюдаем.

— Как за радио-тараканом из фильма? — спросил Дима.

— Типа того.

Питомец?! Неприкосновенный?! Григорий почувствовал, как краска смущения — если бы пауки могли краснеть — заливает его голову. Его, ночного ткача, мастера теней, записали в «питомцы»? Рядом с безногим попугаем и толстым крысом?!

Он хотел возмутиться. Но что-то его остановило. Слово «неприкосновенный» звучало... неплохо. Очень неплохо.

ГЛАВА 2. В КОТОРОЙ ГРИГОРИЙ ПРОПАДАЕТ, И ВСЕ ОЧЕНЬ ВОЛНУЮТСЯ

Прошло целых три дня.

Григорий всё это время просидел в своём тайном убежище — за старым куском плинтуса, куда не проникал свет, зато проникали мысли. Мысли были тяжёлые и липкие, как неправильно сплетённая сеть.

«Они называют меня *Григорий*. Им известно моё имя. Я

для них — *питомец*. Как крыс. Как птица без ноги. Но при этом — *неприкосновенный*. Что это значит? Ловушка? Или... правда?»

Пауки не умеют плакать, но Григорию очень хотелось. С одной стороны, быть чьим-то питомцем казалось унижительным. С другой — за всю его паучью жизнь никто никогда не называл его «наш» и не ждал с ним встречи.

Пока он размышлял, в большой комнате назревал кризис.

— Мам, ты сегодня Григория видела? — спросил Дима, свешиваясь с дивана вниз головой и заглядывая под батарею.

— Нет, сынок, — отозвалась мама, помешивая суп. — Третий день тишина. Может, он переехал.

— Ничего не переехал! — возмутилась Даша. Она стояла у подоконника и внимательно разглядывала паутину. — Сеть целая, но не обновлялась. Тут уже пыль собралась. А Григорий — чистюля. Значит, что-то случилось.

Рокки, зелёный попугай, как раз в этот момент ковылял по жёрдочке на своей единственной лапке. Он склонил голову набок и выдал слово, которое знал идеально:

— Гру-устно!

Лиля, белая кошка, сидевшая на подоконнике, медленно моргнула жёлтыми глазами. Ей не было грустно. Ей было любопытно. Куда делся этот мохнатый восьмипалый нахал, который посмел получить статус «неприкосновенного» быстрее, чем она, королева дома?

— А вдруг он заболел? — Дима сел и нахмурился. — У

него ведь даже градусника нет.

— Надо искать! — решительно заявил Дима. — Операция «Григорий, ау!».

К вечеру дети развернули полномасштабные поиски. Заглянули за все книги, под тумбочку, даже в старую вазу, где лежали конфетные фантики. Мама не мешала, только попросила ничего не ломать. Папа с улыбкой заметил, что в их доме единственные «пропавшие без вести» - это пауки.

Григорий тем временем очнулся от своих дум. Ему захотелось пить. Он осторожно выполз из-за плинтуса и спустился по ниточке к водопроводной трубе, где всегда собирался конденсат.

И тут он услышал.

— Гриша! Гри-иша! — тихонько звал Дима, шаря фонариком под шкафом.

— Он не может отозваться, он же немой, — шептала Даша. — Но, может, он увидит свет и поймёт, что мы его ждём?

Григорий замер. Сердце его — а оно у пауков расположено в брюшке — сжалось. Они и правда искали его. Волновались. Называли по имени — Гриша. Не «фу, уберите это», а «Гриша, ау».

И в этот самый момент случилось сразу две вещи.

Первая: Григорий, переполненный эмоциями, шагнул на освещённое место и медленно поднял переднюю лапку —

так он умел «махать».

— Смотри! — заорал Дима. — Вот он! Живой!

— Тсс, — Даша схватила брата за плечо. — Не пугай. Смотри, он лапкой двигает. Привет передаёт. Привет, Григорий!

Второе событие случилось одновременно с этим, но было куда менее приятным.

Лиля, которая до этого притворялась спящей, бесшумно прыгнула с подоконника и, распластавшись в своём коронном охотничьем полуприседе, поползла к паучку. Её жёлтые глаза горели холодным огнём. Она была оскорблена. Вся эта суета вокруг «питомца», которого даже погладить нельзя, пока она, шёлковая шёрстка и мурчание, остаётся без внимания, — это требовало восстановления справедливости. Кошачьей справедливости.

Григорий заметил опасность на долю секунды раньше, чем Лиля прыгнула. Восемь глаз — великая вещь.

— Лиля, стоять! — скомандовала Даша и заслонила Григория ладонью. — Ему нельзя навредить! Мы договаривались!

Лиля затормозила, чихнула от неожиданности и обиженно мяукнула: мол, где мои права? Дима подхватил кошку на руки, и та, недовольно дёргая хвостом, была бережно, но твёрдо удалена на диван.

Григорий смотрел на всё это и не верил. Гиганты встали на его защиту. Против кошки. Ради него, паука.

— Вот видишь, — мягко сказала Даша, присаживаясь на корточки так, чтобы её лицо оказалось почти на уровне пола. — Ты не бойся. Мы тебя любим. И всегда ждём, когда ты прячешься. Ты же наш. Наш Григорий.

Григорий не ответил словами. Он просто медленно попятился к своей паутине и, устроившись в центре, принялся за работу. За ночь он сплёл нечто новое. Тончайшее. Если бы кто-то присмотрелся, он увидел бы, что нити складываются в очертания двух детей — девочки повыше и мальчика пониже. Свой первый шедевр, посвящённый Гигантам, которых он отныне считал не угрозой, а... семьёй.

ГЛАВА 3. В КОТОРОЙ РАЕН ЖУЁТ И ФИЛОСОФСТВУЕТ, А РОККИ УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ «БРАТ»

На следующее утро Григорий проснулся с незнакомым доселе чувством. Ему не хотелось прятаться. Ему хотелось, чтобы его увидели. Желательно — Даша и Дима. Совершенно нежелательно — Лиля.

Кошка весь вечер делала вид, что происшествие у батареи её не касается. Она лежала на подоконнике, вылизывала белую шубку и смотрела в окно с выражением оскорблённой императрицы. Но Григорий-то знал: хищники обид не забывают.

— Кэ-экх! — раздалось сверху.

Это Рокки. Зелёный попугай сидел на открытой дверце своей клетки и смотрел прямо на паучка. Одной лапкой он цеплялся за жёрдочку, второй пытался почесать голову, но,

как всегда, промахивался. Отсутствие конечности давало о себе знать.

— Ты! — сказал Рокки скрипуче. — Новенький. Которого дети любят. Я видел вчерашнее.

Григорий замер. Птица умела говорить. Не просто имитировать, а осмысленно. Это меняло дело.

— Я Рокки, — продолжал попугай, наклоня голову. — Я инвалид. Видишь? — он вытянул вперёд обрубок.

— Мне жаль, — тихо произнёс Григорий. Он не был уверен, слышит ли его Рокки — пауки говорят очень тихо, — но попугай кивнул.

— Я научился, — сказал он с гордостью. — Одна лапа — не проблема. Проблема — когда ты один. А ты теперь не один. Дети тебя любят. Я слышал. Это... это круто.

Григорий не знал слова «круто», но интонация была явно одобрительной.

В этот момент из соседнего угла послышался хруст. Там, в большой проволочной клетке с тремя этажами, гамаком и колесом, пробудился Раен. Крыс сидел, держа в передних лапках сушку, и задумчиво грыз её, глядя в пространство.

— О, — сказал Рокки, — Философ проснулся. Сейчас начнёт.

Раен действительно дожеввал, аккуратно стряхнул крошки с усов и перевёл взгляд на Григория. Глаза у него были маленькие, блестящие, как маслины, и удивительно спокойные.

— Новый член сообщества, — произнёс он голосом сытым и низким. — Я наблюдал за тобой. Ты плетёшь сети. Это искусство. А искусство, друг мой, это всегда попытка поймать невидимое в видимое. Ты ловишь мух — но на самом деле ты ловишь красоту.

Григорий опешил. Никто никогда не называл его охоту

«искусством». Обычно это называли «уберите эту гадость».

— Спасибо, — проговорил он.

— Не за что, — Раен надкусил сушку снова. — Я давно здесь живу. Клетка — не помеха для мысли. Мысль вообще не знает стен. Вот ты, паук, считал себя одиноким беглецом. А на самом деле был частью системы. Тебя ждали. Тебя называли. Ты уже был питомцем, просто не знал об этом. Забавно, правда?

— Забавно, — эхом отозвался попугай Рокки. — Григорий — забавный. Гри-го-рий! — он словно пробовал имя на вкус. — Брат!

Григорий вздрогнул. Брат? Птица назвала его братом?

— Он так говорит, когда кто-то ему нравится, — пояснил Раен, хрустя. — Рокки прост. Если ты друг — ты брат. А если враг... ну, врагов у нас тут одна штука, — он покосился на подоконник.

Лиля по-прежнему сидела спиной ко всем, но её уши предательски вращались, как локаторы. Она слушала каждое слово.

— Кошка ревнует, — философски заметил Раен. — Ревность — это просто страх, что тебя разлюбят. Лиля считает себя главной. А теперь ты, малявка восьмипалая, вдруг получаешь статус неприкосновенного. Это удар по её кошачьему эго.

— И что мне делать? — спросил Григорий.

Раен догрыз сушку, облизал лапки и посмотрел пауку пря-

мо в глаза.

— Во-первых, не попадаться ей в лапы в одиночестве. Во-вторых, найти с ней общий язык. Даже кошкам нужно, чтобы их ценили. А в-третьих... — он сделал паузу и зевнул, — я бы посоветовал тебе сплести что-нибудь и для неё тоже. Портрет. Красивой кошки. Лиля оценит. Она тщеславна.

— Портрет врага?! — ужаснулся Григорий.

— Портрет соседки, — поправил Раен. — Или ты хочешь вечно прятаться за батареей?

Григорий задумался. Сплести портрет кошки. Это было... дерзко. Рискованно. Но в словах старого крыса был резон. Если Лиля увидит себя в паутине, увидит, что он считает её красивой, — возможно, она сменит гнев на милость. Или хотя бы перестанет считать его консервной закуской.

— Я подумаю, — пообещал Григорий.

— Думать — это хорошо, — одобрил Раен и потянулся за новой сушкой. — Но не задумывайся слишком долго. Жизнь коротка. Особенно у тех, кто живёт рядом с кошками.

Рокки вдруг громко засвистел — он так смеялся. А Григорий, невольно улыбнувшись — насколько паук вообще может улыбаться, — пополз к своей паутине обдумывать новый проект.

ГЛАВА 4. В КОТОРОЙ ПЛЕТЁТСЯ ПОРТРЕТ, А ЛИЛЯ ВПЕРВЫЕ МУРЛЫЧЕТ НЕ ОТ ЕДЫ

Григорий приступил к работе глубокой ночью.

Дети давно спали. Дима во сне сжимал в руке машинку,

Даша — книжку с драконом на обложке. Родители выключили свет в гостиной, и только луна освещала комнату холодным серебром.

Идеальный момент для искусства.

Григорий выбрал место стратегически верно: прямо над кошачьей миской. Лиля приходила сюда дважды за ночь — перекусить и проверить, не положили ли чего вкусенького. Мимо такого полотна она не пройдёт.

Работа была сложнейшей. Григорий никогда не плёл кошек. Кошки — это плавные линии, изгибы, грация. Паутина же по природе геометрична, угловата. Но он старался. Он вспоминал, как Лиля сидит на подоконнике, как выгибает спину, как щурит жёлтые глаза. Нить за нитью, ряд за рядом — из серебристых волокон проступал силуэт белой кошки с гордо поднятой головой.

К утру портрет был готов. Не идеальный — Григорий сам видел недостатки, — но в лунном свете он выглядел почти волшебно: тончайшая белая шерсть, два янтарных глаза-капли, изящный хвост, обвивающий лапки.

Григорий обессиленно притаился в тени книжного шкафа и стал ждать.

С первыми лучами солнца проснулся Раен. Он понюхал воздух, увидел портрет и понимающе хмыкнул:

— Искусство требует жертв. Ты не спал всю ночь. Уважаю.

Рокки, почесав обрубок лапки о жёрдочку, склонил голову набок:

— Красиво! Лиля! Красиво!

И вот она появилась. Лиля спрыгнула с подоконника, потянулась — сначала передние лапы, потом задние, всё по кошачьему протоколу — и направилась к миске. Но замерла на полпути.

Её жёлтые глаза расширились. Уши встали торчком. Усы дрогнули.

Над миской висела паутина. Не просто сеть. Картина. Она. Белая, пушистая, с надменным профилем и глазами, которые смотрели на мир как на подвластную империю.

— Мяу? — тихо произнесла Лиля. Это был не боевой клич, не охотничий сигнал. Это был звук крайнего недоумения.

Она села и долго смотрела на портрет. Хвост её нервно дёргался — признак глубокой внутренней борьбы. Внутри Лили шла война. Хищник требовал: «Найди паука и съешь. Это наглость — висеть над твоей миской». Но тщеславие шептало: «Посмотри, как ты хороша. Кто-то потратил на это всю ночь. Кто-то считает тебя достойной кисти... то есть паутины».

Тщеславие победило.

Лиля выгнула спину и — о чудо — замурчала. Громко, с переливами, как маленький трактор. Она улеглась под портретом, поджала лапки и посмотрела в сторону книжного шкафа. Григорию показалось, что она смотрит прямо на него. Но взгляд был не охотничий. Скорее... одобрительный.

— Перемирие, — прокомментировал Раен из клетки, грызя новую сушку. — Я же говорил. Тщеславие — ключ к сердцу кошки. Ну, и к сердцу крысы тоже, но у нас сушки важнее.

ГЛАВА 5. В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ УГРОЗА, И ТРЕБУЕТСЯ СОВЕТ

Три дня после этого жили в мире. Лиля больше не охотилась на Григория. Иногда она даже проходила мимо его пау-

тины и коротко кивала — по-кошачьи, почти незаметно. Но Григорий этот кивок видел и таял от гордости. Он, паук-одиночка, сумел подружиться с кошкой. С кошкой!

Рокки тем временем тренировался говорить слово «брат». У него получалось всё лучше:

— Григорий — брат! Рокки — брат! Раен — брат!

— А Лиля? — спросил однажды Дима, услышав эти упражнения.

Рокки задумался. Потом выдал:

— Лиля — королева!

Кошка благосклонно прикрыла глаза. Ей нравилось.

Идиллия длилась до субботы.

В субботу утром в дверь позвонили. Мама открыла, и в квартиру вплыла Зинаида Петровна — соседка с пятого этажа. Следом за ней на поводке вбежала Маса — маленькая, кривоногая, невероятно громкая собачка, похожая на мхнатую сосиску с зубами.

— Доброе утро! — пропела Зинаида Петровна. — Я к вам с проверкой! В доме завелась моль! Я уже у всех была, остались только вы!

— Моль? — удивилась мама. — У нас нет моли.

— Все так говорят! — Зинаида Петровна бесцеремонно прошла в комнату.

Григорий, едва слышав слово «проверка» и лай Масы, мгновенно юркнул за батарею. Инстинкты не подвели. Маса, несмотря на свой нелепый вид, была потомственным следо-

пытот. Она принялась обнюхивать углы, чихать от пыли и заливаться лаем на каждую тень.

— Кого это вы завели? — спросила Зинаида Петровна, разглядывая паутину в углу. — Пауки?! Антисанитария! Надо травить!

Даша и Дима переглянулись в ужасе.

— Это наш друг! — выпалил Дима.

— Друзей пауками не называют, — отрезала соседка.

Мася тем временем добралась до батареи и уставилась прямо в щель, где прятался Григорий. Она залаяла. Громко.

Противно. И, что хуже всего, начала рыть лапами пол, пытаюсь подобраться ближе.

Лиля, до этого мирно сидевшая на подоконнике, медленно поднялась. Её глаза превратились в две жёлтые щёлочки. В доме был чужак. Собака. Вторжение на её территорию.

Рокки взволнованно захлопал крыльями:

— Брат! Брат в опасности!

Раен перестал жевать. Это был знак высшей тревоги. Крыс отложил сушку и подошёл к прутьям клетки:

— Вот оно. Момент истины — тихо сказал он. — Кто не спрятался — я не виноват. Но тот, кто спрятался, тоже нуждается в помощи.

— Что делать?! — прошелестел Григорий из щели.

Раен на секунду задумался, потом изрёк:

— Собаки боятся организованного сопротивления. Им нужен отпор. Но не силовой. Отвлечение. Шум. Хаос. Дети уже на твоей стороне. Осталось подключить остальных. Лиля уже на взводе. Рокки может летать. А я... — он вздохнул, — я из клетки подам стратегический совет.

— Григорий, держись! — прошептала Даша, заслоняя батарею спиной. — Мама, скажи ей, что это НАШ паук и мы не дадим его травить!

Мама растерянно посмотрела на соседку, потом на детей, потом на паутину, в которой серебрился портрет Лили.

— Зинаида Петровна, — сказала она медленно, — спасибо за беспокойство. Но с пауком мы как-нибудь сами разбе-

рёмся.

— Это безобразие! — фыркнула соседка. — Мася, фас! Мася рванулась к батарее.

ГЛАВА 6. В КОТОРОЙ ТАЙНЫЙ КЛУБ ХВОСТОВ И ЛАП ДАЁТ ПЕРВЫЙ БОЙ

Итак, Мася рванулась к батарее.

Это была, прямо скажем, не самая грозная атака в истории собачьих атак. Мася была длинной, низкой и слегка запуталась в собственной шерсти, поэтому её рывок больше напоминал катящийся клубок с зубами. Тем не менее намерения у неё были самые серьёзные.

Но путь ей преградила Лиля.

Белая кошка встала поперёк прохода, выгнула спину идеальной дугой и издала звук, который обычно издают змеи в плохом настроении.

— Ш-ш-ш-ш!

Мася затормозила всеми четырьмя кривыми лапами. Она не ожидала, что в доме есть кто-то, кто не боится её звонкого лая. До этого все проверенные соседи имели в лучшем случае тапочки, но не боевых кошек.

— Тяв? — неуверенно произнесла Мася.

— Ш-ш-ш! — повторила Лиля и добавила лапой по полу — резко, с когтями, оставляя царапину на паркете.

Мася попятилась на шаг. Но тут из-за спины раздался визгливый голос Зинаиды Петровны:

— Мася! Не отступай! Она всего лишь кошка!

«Всего лишь кошка» посмотрела на соседку таким взглядом, что та на всякий случай замолчала. А тем временем в воздух поднялся Рокки.

Попугай-инвалид летел с решимостью настоящего истребителя, пронёсся над головой Масы и выдал фразу, которую долго репетировал по ночам перед зеркальцем:

— Сдавайся, сосиска!

Кто именно научил его слову «сосиска», осталось загадкой, но сработало оно идеально. Маса взвизгнула от неожиданности и закрутилась на месте, пытаясь понять, откуда идёт угроза. Рокки тем временем ловко уселся на люстру, победно чирикнув.

— У вас птица говорит?! — ахнула Зинаида Петровна.

— У нас все разговаривают, — гордо ответила Даша. — Кроме Григория. Но он просто стеснительный

Из клетки послышался спокойный голос Раена:

— Друзья мои, — произнёс он, постукивая сушкой по прутьям, словно профессор указкой, — позвольте небольшое тактическое замечание. Собака растеряна. Кошка заняла стратегическую позицию. Птица контролирует воздух. Враг деморализован. Однако для полной победы необходим... завершающий аккорд.

— Какой аккорд? — спросил Дима, который следил за битвой с открытым ртом.

— Паучок должен выйти, — сказал Раен. — Собака боится того, что шевелится не так, как она ожидает. У паука во-

семь ног. Это в два раза страшнее кошки. Арифметика, друг мой. Простая арифметика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.